

ПУЛЬС ПЛАНЕТЫ

Взгляд

ДОМА У СОЛЖЕНИЦЫНА

Труд. - 1992 - 4 апр.

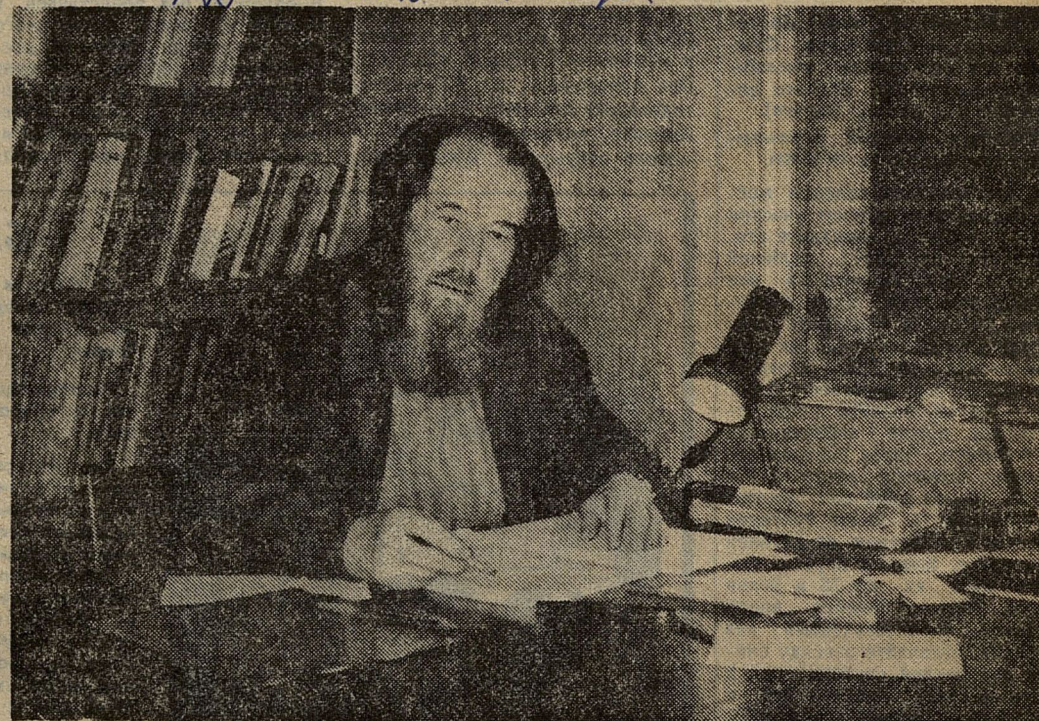
НЕ БЕРУСЬ определять жанр того, что взялся написать. Скорее всего просто пояснение того, как появился на свет этот снимок Александра Исаевича Солженицына, которого запечатлели для истории не только «пушкар» сталинского ГУЛАГа, но и лучшие мастера фотоискусства Европы и Америки — в те считанные разы, когда им выпадал такой шанс. Александр Исаевич, мягко говоря, не очень любит, когда на него направлен объектив (может быть, в лагерях и приобрел эту «аллергию»), и получить его согласие непросто.

К счастью, на моей стороне оказался союзник, влиянию которого не смог противостоять даже этот несгибаемый человек: в Кавендиш, затерявшийся в северных отрогах Аппалачей, я приехал по приглашению Натальи Дмитриевны Солженицыной, чтобы вместе с ней поработать над интервью о Русском общественном фонде помощи узникам совести и их семьям (оно опубликовано в «Труде» 14 марта).

И вот тут я должен сделать то, что в романах прошлого века называлось лирическим отступлением. Наслышавшись, что в этом доме все подчинено неимоверно интенсивному писательскому труду, я ожидал, что попаду в строгую, даже аскетическую обстановку, в которой, хочешь не хочешь, придется приспособливаться. А попал я в такой теплый, такой доброжелательный дом, что с первого часа почувствовал себя чуть ли не старожилом. Секрет прост: как большинство русских семей, эта, оказавшаяся в лесной чащобе штата Вермонт, имеет душу — бабушку. Бабушку Катю, наделенную таким талантом доброты, что гость сразу чувствует себя своим среди своих.

Все обитатели дома так и считают, что душа его — бабушка Катя, помогшая вырастить всех четырех солженицынских сыновей. Без нее родители не смогли бы проводить над рукописями по 14—16 часов в сутки, как оно длилось годами, — это ведь сейчас ребята уже взрослые, лишь на каникулы или в отпуск приезжают в Кавендиш.

Так что спасибо бабушке Кате, а то ведь, признаться,

было страшновато первый раз переступить порог усадьбы писателя, который давно уже сопригается у тебя с эпитетом «великий». Впрочем, и эти страхи оказались напрасными. Дома у Солженицына все просто и естественно, без всякой этой писательской «многозначительности», которую мне не раз пришлось ощущать в некоторых других обителях литераторов калибром куда помельче.

Знакомство с Александром Исаевичем произошло под вечер первого дня, когда наша с Натальей Дмитриевной работа уже шла вовсю. Мне и раньше, еще в Москве, доводилось видеть «живого» автора «Ивана Денисовича». Зимой, в старенькой дубленке, чуть нагнувшись, как бы от ветра, с сосредоточенным выражением лица, тогда еще безусого, он быстрым шагом направлялся в наш дом, откуда я только что вышел. Мой сын в те времена иногда вбегал домой, что называется, с вытаращенными глазами: «К соседям опять Солженицын пришел!» Такие уж у нас были соседи — Лидия Корнеевна и

Елена Цезаревна Чуковские. Но тогда о таких визитах при чужих полагалось помалкивать, что хорошо понимал даже сын-школьник.

Короче говоря, сижу я один в рабочей комнате на втором этаже, целиком поглощенный лежащим передо мной текстом, и вдруг кто-то стучится в дверь. Как обычно в таких случаях, машинально произношу: «Да-да». За спиной — мужской голос: «Здравствуйте, Виссарион Иванович. Хозяйки ждут к обеду, но давайте сначала познакомимся». Передо мной — улыбающийся в посевшую бороду Александр Исаевич. Первое впечатление — очень крепкий, редкого физического здоровья человек. Несмотря на все выпавшие ему испытания. Он и сам потом подтвердил: «Да, сил пока, слава Богу, в достатке...»

На следующий день я увидел просторный кабинет Александра Исаевича и террасу, пристроенную вдоль всей длины дома на уровне второго этажа. Приусадебный участок — крутые каменистые холмы, не погуляешь, так что хозяин дышит возду-

хом и обдумывает очередную работу, расхаживая по террасе. На мой вопрос, не маловато ли места для разминки, Александр Исаевич ответил горьковатой шуткой: «Ничего, я в камере привык...» Зато уж воздух там поистине живописный — вокруг заросли кедрача, но видны и березы, ясени.

Северная часть Аппалачей недаром называется Зелеными горами — лес со всех сторон подступает к Солженицынскому дому, с пролегающей мимо проселочной дороги его и не разглядишь. Есть в этой местности что-то от российских пейзажей. Хотя усадьба, как мне рассказали, покупалась заочно. Бог, хранящий для нас и для будущих поколений Александра Исаевича, и тут его не оставил: мне, поездившему по этой стране, думается, что лучшего места именно для Солженицына не отыщется во всей Америке.

В. СИСНЁВ,
соб. корр. «Труда».

КАВЕНДИШ, штат Вермонт.

Фото автора.